Когда мы встретимся

Автор:
Ребекка Стед

Когда мы встретимся

Ребекка Стед

Миранде двенадцать лет, и у нее, конечно, хватает проблем. Мама, которая не готовит завтраков и одевается как девочка, лучший друг, который больше не хочет быть другом, одноклассники, которые вдруг начинают вести себя не так, как раньше, полная опасностей дорога в школу и из школы. А тут еще непонятные записки, в которых говорится о том, что произойдет в будущем, и главное – о том, что она, Миранда, должна сделать, чтобы это произошло… Или не произошло. Книга Ребекки Стед «Когда мы встретимся», вышедшая в 2009 году, сразу же покорила читателей и критиков и попала в самые серьезные списки американских бестселлеров. А в 2010 году она получила престижную литературную премию Ньюбери за выдающийся вклад в американскую литературу для детей. Для среднего и старшего школьного возраста Роман Ребекки Стед «Когда мы встретимся» – это умелая смесь бытовой и любовной мелодрамы о жизни обычной девочки-подростка с фантастическими сюжетными линиями о путешествии во времени. В свою книгу Ребекка вложила всю душу: собственные детские воспоминания о Нью-Йорке, аллюзии на любимый детский фантастический роман «Морщины во времени», образы персонажей, заимствованные из реальной жизни. Получился увлекательный, трогательный и интригующий роман, который обязательно понравится любому подростку.

Ребекка Стед

Когда мы встретимся

Rebecca Stead

When You Reach Me

Переводчик благодарит И. А. Багрова за разрешение цитировать его перевод книги Мадлен Л’Энгл «Морщинка времени» (Madeleine L’Engle, “A Wrinkle in Time”).

Редакция благодарит Таню Тулякову и Лизу Кузенкову за помощь в выборе этой книги.

Перевод произведения публикуется с согласия Random House Children’s Books, филиала издательства Random House Inc.

© 2009 by Rebecca Stead

© Е. Канищева, перевод на русский язык, 2011

© В. Тентлер, иллюстрации, 2011

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2017

* * *

Шону, Джеку и Эли,

которые лучше всех умеют смеяться без причины, отчаянно любить и задавать самые трудные вопросы

Тайна – это самое прекрасное, что мы можем испытать.

Альберт Эйнштейн, «Мир, каким я его вижу» (1931)

То, что хранят в коробке

И вот сегодня мама получила открытку. Большие буквы с завитушками «Поздравляем!», а сверху адрес студии ТВ-15 на Западной Пятьдесят восьмой улице. Три года добивалась – и добилась. Она будет участвовать в телевикторине Дика Кларка «Пирамида – 20 000».

Дальше идет список вещей, которые надо взять с собой. Запасная одежда на случай, если мама перейдет в следующий тур, – они же притворяются, как будто второй тур происходит назавтра, а на самом деле за один день снимают целых пять передач. Заколки для волос брать не обязательно – «на ваше усмотрение», – но мама их точно возьмет. У нее, в отличие от меня, роскошные рыжие волосы, которые могут в самый неподходящий момент заслонить ее мелкое веснушчатое личико от глаз американского народа.

А внизу на отдельной линеечке синими чернилами вписана дата – 27 апреля 1979 года. Как ты и сказал.

Я вытащила из-под кровати коробку, в которой все эти месяцы храню твои записки, и проверила еще раз. Все верно: «27 апреля, студия ТВ-15». Крошечные буквы скачут, словно ты писал это в поезде подземки. Последнее из твоих «доказательств».

Я по-прежнему думаю про письмо, которое ты меня попросил написать. Оно не дает мне покоя, хотя тебя нет и мне все равно некому его отдать. Иногда я мысленно составляю его, раскладываю по полочкам эту историю, которую ты

попросил рассказать, – про все, что случилось прошлой осенью и зимой. Все это всегда со мной, словно кино, которое я могу посмотреть, когда захочу. То есть никогда.

То, что висит на шее

Мама прихватила с работы большой перекидной календарь и скотчем приклеила его к стене в кухне, раскрыв на странице «Апрель». Толстым зеленым маркером (его она тоже прихватила с работы) она нарисовала над числом «27» пирамиду, а вокруг – рамку из значков доллара и восклицательных знаков. Потом побежала и купила модный таймер для варки яиц, который отмеряет ровно полминуты. Видно, у нее на работе не держат модных таймеров для варки яиц.

Двадцать седьмое апреля – это еще и день рожденья Ричарда. Мама все думает, хороший ли это знак. Ричард – ее друг. Теперь мы с ним каждый вечер будем готовить ее к викторине; вот почему я сейчас сижу за столом, а не пялюсь в телек, хотя это святое и неотъемлемое право ребенка с ключом на шее. Так называют детей, которые после школы слоняются без присмотра до самого вечера, пока кто-то из взрослых не придет домой и не приготовит ужин. Мама терпеть не может это выражение – «с ключом на шее». Говорит, что оно напоминает ей о тюрьмах и надзирателях и что его наверняка придумал какой-то жуткий тип, бессердечный сухарь, у которого куча денег и не болит голова о том, как обеспечить ребенка. Небось немец, говорит она и сердито зыркает на Ричарда. Ричард у нас немец (по-настоящему он Рихард), но не сухарь и не жуткий тип.

Не исключено, говорит Ричард. В Германии, добавляет он, тоже есть «шлюссельkиндер» – дети с ключами.

– Тебе везет, – говорит он мне. – У кого ключи, тот и хозяин. Некоторым приходится стучаться.

Это верно, ключа у него нет. Точнее, у него есть ключ от его собственной квартиры, но не от нашей.

Ричард похож на яхтсмена, какими я их себе представляю, – высокий, светловолосый, всегда собранный и подтянутый, даже по выходным. А может, наоборот, я представляю яхтсменов похожими на Ричарда, потому что он любит ходить под парусом. У него очень длинные ноги, под нашим кухонным столом они не помещаются, и ему приходится сидеть боком. По сравнению с мамой он кажется вообще великаном: она такая крошечная, что ей приходится покупать ремни для джинсов в детском отделе, а на ремешке для часов прокалывать еще одну дырочку, чтобы часы не свалились с руки.

Мама называет Ричарда «ваше совершенство» – из-за его внешности и еще потому, что он все знает. И каждый раз, когда она его так называет, Ричард постукивает себя по правой коленке. Это он напоминает, что правая нога у него короче левой. Ко всем его правым туфлям и ботинкам приделана платформа высотой в два дюйма, чтобы ноги получались одинаковой длины. Босиком он слегка хромает.

– Скажи спасибо своей ноге, – говорит ему мама. – Только из-за нее мы тебе и разрешаем к нам заглядывать.

Ричард «заглядывает» к нам уже почти два года.

* * *

Чтобы натренировать маму, у нас есть ровно три недели. Вот поэтому я сейчас не смотрю телевизор, а переписываю слова на белые каталожные карточки, которые она прихватила с работы; на каждой карточке – одно слово. Когда набирается семь карточек, я скрепляю их круглой резинкой; ее она тоже прихватила с работы.

Я слышу звук маминого ключа в замке и переворачиваю стопки карточек, чтобы она не подглядывала.

– Миранда? – Она громыхает по коридору – в последнее время она взяла привычку носить обувь на деревянной платформе – и заглядывает ко мне в комнату. – Ты еще с голоду не помираешь? Я вообще-то хотела подождать Ричарда.

– Могу и потерпеть. – По правде говоря, я только что схрумкала целую пачку кукурузных палочек «Чиз Дуддлз». Есть после школы вредную еду – еще одно святое и неотъемлемое право ребенка с ключом на шее. Думаю, что и в Германии тоже.

– Ты точно не голодна? Может, нарезать тебе яблоко?

– А в Германии какая бывает вредная еда? – спрашиваю я. – Венские чипсы?

Она изумленно таращится на меня.

– Понятия не имею. Откуда вдруг такой вопрос?

– Просто так, ниоткуда.

– Так ты яблоко будешь или нет?

– Нет, и брысь отсюда – я пишу для тебя слова.

– Отлично! – Она улыбается и лезет в карман пальто. – Лови! – Она с размаху что-то швыряет, я ловлю – это оказываются новенькие маркеры всех цветов радуги, перетянутые толстой канцелярской резинкой. Мама гулко топает в кухню.

Некоторое время назад до нас с Ричардом дошло, что чем больше всякого хлама мама прихватывает с работы, тем сильнее она эту работу ненавидит. Я бросаю взгляд на маркеры и снова берусь за карточки со словами.

Она должна выиграть эти деньги.

То, что прячут

Меня назвали в честь преступника. Мама говорит, что это слишком драматичный взгляд на жизнь, но правда иногда бывает драматичной.

– Имя «Миранда» неразрывно связано с защитой прав человека, – так она мне заявила прошлой осенью, когда я психанула, потому что Робби на физкультуре сказал, что меня назвали в честь похитителя.

Я тогда забыла ключ в школе, и пришлось два с половиной часа торчать в магазинчике Белл на Амстердам-авеню, пока мама не вернулась с работы. Но я не слишком расстроилась. Я немножко помогла Белл управиться с делами. Ну и книга моя, конечно, была при мне.

– Все еще читаешь эту книжку? – спросила Белл, когда я уселась на свой складной стул возле кассы. – До чего же она у тебя потрепанная.

– Не «все еще», – поправила я, – а «опять».

Я ее читала, наверное, раз сто, еще бы ей не быть потрепанной.

– Расскажи-ка мне про нее, – сказала Белл. – Как она начинается? Я никогда не сужу о книге по обложке. Я сужу по первой строчке.

Первую строчку я знала наизусть – в книгу можно было не заглядывать.

– Стояла темная, ненастная ночь, – сказала я.

– О, такое я уже читала, – оживилась Белл. – Классическое начало. Это я люблю. Ну и про что там дальше?

Я секунду подумала.

– Про одну девочку. Ее зовут Мег. Ее папа исчез, и она отправляется на другую планету, чтоб его спасти.

– А парень у нее есть?

– Вроде того, – сказала я. – Но дело не в этом.

– Сколько ей лет?

– Двенадцать. – Вообще-то в моей книге не говорится, сколько Мег лет, но мне двенадцать, поэтому мне кажется, что ей тоже двенадцать. Когда я читала книгу в самый первый раз, мне было одиннадцать, и я думала, что и ей одиннадцать.

– Ах, двенадцать, – сказала Белл. – Тогда парни еще успеются. Давай по порядку.

– Что по порядку?

– Книжку рассказывай. По порядку.

И я начала рассказывать ей мою книгу. Не читать, а просто пересказывать, с первой страницы, когда Мег просыпается ночью и боится грозы.

Белл, пока слушала, сделала мне бутерброд с индейкой и скормила с десяток витаминок С, потому что ей показалось, что у меня заложен нос. Когда она пошла в туалет, я прихватила пару виноградин – я люблю виноград, но мама его никогда не покупает, потому что ей не нравится, в каких условиях заставляют работать сборщиков винограда в Калифорнии.

Когда мама наконец за мной пришла, она обняла Белл и прошептала ей на ухо: «С меня причитается», – как будто я какая-то обуза, а не человек, который по доброй воле распаковал три ящика зеленых бананов и перерыл всю морозилку в поисках просроченных продуктов. Потом мама купила коробку клубники – хотя я точно знаю, она считает, что клубника у Белл так себе и к тому же чересчур дорогая. Она называет ее НКП. Это расшифровывается как «нечто клубникоподобное».

– Как этому Робби вообще взбрела в голову такая чушь – что человек способен назвать родную дочь в честь убийцы? – спросила мама. До нашего дома было еще полквартала, но она уже держала ключ наготове. Мама не любит топтаться перед дверью, нашаривая в сумке ключи. Говорит, это приманка для грабителей.

– Не убийцы, – сказала я. – Похитителя. У Робби папа прокурор. Он говорит, правило Миранды названо по имени человека, который совершил страшное преступление. Это правда?

– Формально – может быть. Но вообще-то правило Миранды – это жизненно важная вещь. Человеку необходимо знать, что он имеет право хранить молчание и имеет право на адвоката. Это то, без чего правосудие попросту не могло бы…

– «Может быть» означает «да»?

– …и потом, Шекспир. Вообще-то это он придумал имя «Миранда» для героини своей «Бури».

Если подумать, это совершенно логично: мама мечтала быть адвокатом, поступила на юридический факультет и почти окончила первый курс, но тут родилась я, и ей пришлось бросить учебу. Сейчасона работает в юридической конторе помощником адвоката, а заодно и секретарем, потому что контора у них очень маленькая. Ричард работает там же. Он адвокат. Они очень много делают для бедных, иногда даже для преступников. Но одно дело помогать преступникам, и совсем другое – называть в их честь дочерей.

Мама отперла дверь подъезда – эта дверь из железа и стекла и весит, наверное, целую тонну – и толкнула что было сил, так что каблуки заскользили по плиткам. Когда мы вошли в подъезд, она привалилась к двери спиной и дождалась щелчка. Если дверь закрывается сама, замок обычно не защелкивается, от чего мама просто звереет. Замок входит в список вещей, которые домовладелец не желает чинить.

– Итак? – Я нажала кнопку лифта. – Он похититель или нет?

– Ладно, Мира, – сказала мама. – Один ноль в твою пользу. Я назвала тебя в честь чудовища. Извини. Если тебе не нравится твое имя, можешь его поменять.

Вот в этом она вся. До нее не доходит, что человек привыкает к своему имени, что у человека может быть шок от такой новости.

Дома, в кухне, она кинула пальто на стул, налила в кастрюлю воды и поставила ее на плиту – для спагетти. На ней был оранжевый свитер с высоким воротом, джинсовая юбка и колготки в фиолетовочерную полоску.

– Отпадные колготки, – фыркнула я. Верней, попыталась. Я не знаю точно, как это делается, но в книжках все то и дело презрительно фыркают.

Она уселась на край стола и стала просматривать почту.

– По поводу моих колготок ты утром уже язвила, Мира.

– Да? – Обычно, когда я ухожу в школу, она еще в постели, поэтому у меня нет возможности оценить ее наряд, пока она не вернется с работы. – Тогда отпадный лак. – Ногти у нее ярко-голубые. Наверное, на работе накрасила.

Она закатила глаза.

– Злишься, что тебе пришлось долго сидеть у Белл? Но у меня была куча важных дел, я не могла просто встать и уйти…

– Ничего я не злюсь, мне нравится у Белл.

Интересно, когда она занималась маникюром – до своей кучи важных дел, после или во время?

– Вообще-то ты могла пойти к Сэлу.

Сэл и его мама Луиза живут под нами. Сэл раньше был моим лучшим другом.

– Я же сказала, мне нравится у Белл.

– Все-таки давай оставим запасной ключ в пожарном рукаве. Мало ли что.

Так что после ужина мы спрятали запасной ключ в наконечнике пыльного, свернутого в кольцо пожарного рукава на лестничной клетке. Этому рукаву уже, наверное, лет сто, он весь потрескавшийся, и мама всегда говорит, что при пожаре от него не будет никакого толку и придется прыгать из окна в соседский сад. Хорошо, что мы живем на втором этаже.

Ты просил не забыть про ключ. Если я когда-нибудь все-таки решусь написать тебе письмо, в чем я сомневаюсь, то, наверное, про это и напишу.

Блиц-раунд

Первый раунд «Пирамиды» мама называет «блиц» – там самое главное скорость реакции. В каждой команде двое участников: просто игрок и знаменитость; и вот эта знаменитость должна угадать с подсказки простого игрока семь простых

слов. Если, к примеру, первое слово «вилка», то игрок говорит: «То, чем едят, но не ложка, а…»

Если у звезды есть мозги – а это, говорит мама, вовсе не факт, – то она, то есть звезда, выкрикивает: «Вилка!» Тогда раздается «дзиннь», и на экранчике, который виден только простому игроку, появляется следующее слово. На семь слов команде дается тридцать секунд.

Потом экранчики поворачиваются, и уже знаменитость подсказывает, а игрок угадывает. Еще семь слов, еще тридцать секунд, поворот – и опять игрок подсказывает, а звезда угадывает.

В блице можно набрать максимум двадцать одно очко, и тем, кому это удалось, достается приз – две тысячи сто долларов. Но самое главное тут опередить соперников, потому что команда, которая выигрывает блиц, выходит в раунд победителя – и вот там начинаются серьезные деньги.

* * *

Сегодня тренировка короткая, потому что вечером будет собрание жильцов нашего дома. Раз в месяц соседи собираются у нас в гостиной и жалуются, а мама с бешеной скоростью записывает. Большинство, правда, этими собраниями не интересуется. Только старики всегда тут как тут, потому что их мало куда приглашают и потому что они сердятся на плохое отопление. Луиза, мама Сэла, работает в доме престарелых; она говорит, что старики вообще вечно мерзнут, никак не могут согреться.

После таких собраний, на которых мистер Нанци обычно прожигает сигаретой очередную дырку в нашем диване, мама всегда пишет письмо домовладельцу, а копию посылает в какую-то городскую службу, которая вроде как должна заботиться о том, чтобы у нас была горячая вода, закрывалась дверь подъезда, а лифт не застревал между этажами. Но ничего не меняется, никогда.

Вот-вот начнутся звонки в дверь. Ричард натаскивает маму на блиц-раунд, а я делаю лимонад из концентрата и открываю пачки печенья «Орео».

Луиза стучится условным стуком, и я с подносом в руках впускаю ее в квартиру. Она берет печенюшку и вздыхает. На ней джинсы; белые медсестринские туфли она сбрасывает у двери. Луиза с трудом выносит эти посиделки, но приходит из солидарности с мамой. И потом, кто-то же должен приглядывать за мистером Нанци, чтобы он со своей сигаретой не устроил пожар.

– Лимонаду? – спрашиваю я. Не желаю изображать официантку на маминых сборищах, но для Луизы – всегда пожалуйста.

– Звучит заманчиво. – Луиза идет за мной в кухню.

Как только я вручаю ей бокал, звенит звонок. Причем звенит он добрую минуту. Почему, спрашивается, они не отрывают палец от кнопки?

– Старики, – говорит Луиза, как будто читает мои мысли. – Привыкли, что их никто не слышит. – Она берет еще два печенья и идет открывать. Вообще-то Луиза не ест, как она выражается, «магазинную еду», но говорит, что без «Орео» она бы не пережила собрания жильцов.

Через пятнадцать минут мама уже сидит на полу в гостиной и быстро-быстро строчит в блокноте, а остальные по очереди возмущаются, что в лифте грязно, на лестнице окурки, а сушилка в подвале расплавила резинку на чьих-то панталонах.

Я стою у стенки в прихожей и смотрю, как мама, не переставая записывать, поднимает палец – это она так просит миссис Биндокер говорить медленнее. Потому что, когда миссис Биндокер открывает рот, даже мама со своей стенографической скоростью за ней не поспевает.

Когда мама в первый раз увидела нашу квартиру, она заплакала. Все вокруг просто «заросло грязью», говорит она. Деревянные полы были «практически черные», окна «заляпаны сверху донизу», а о том, чем измазаны стены, ей «даже

думать не хотелось». Она всегда рассказывает об этом одинаково, этими самыми словами.

Я тогда тоже была с ней, в переносном креслице. Стояли холода, мама была в новом пальто, в шкафах ни одной вешалки, а класть пальто на грязный пол или на шипящую облупленную батарею ей не хотелось, поэтому она так и держала его в руках, бродя по комнатам и уговаривая себя, что все не так ужасно.

На этом месте я всегда старалась придумать какое-нибудь место, куда она могла бы положить пальто, если бы только догадалась.

– А почему ты не бросила его на перекладину в шкафу в прихожей? – спрашивала я.

– Там было пыльно, – отвечала она.

– А на подоконник в кухне?

– Тоже пыльно.

– А приоткрыть дверь в спальню и сверху на нее – пальто?

– Я бы не дотянулась, – говорила она, – а главное, там было пыльно.

В тот день, почти двенадцать лет назад, мама сделала вот что. Она снова надела пальто, подхватила креслице со мной и пошла в магазин. Там она купила швабру, мыло, мусорные пакеты, рулон самоклеящейся пленки для кухонных полок, губки, средство для мойки окон и бумажные полотенца.

Вернувшись, она вывалила все это на пол, а в освободившийся чистый пакет опустила аккуратно сложенное пальто. Потом повесила этот пакет на дверную ручку и весь день драила квартиру. А мне, по ее словам, хватило сознательности угнездиться в креслице и проспать долго-долго.

В тот день она познакомилась с Луизой, у которой тоже не было мужа. Они встретились в подъезде, когда выносили мусор к бакам. На руках у Луизы был Сэл. Он плакал, но когда увидел меня, замолчал.

Я все это знаю, потому что сто раз просила маму рассказать мне эту историю. Историю о том, как я впервые увидела Сэла.

Потери

Остаться без Сэла означало целый список неприятностей. И в этом списке чуть ли не на первом месте было то, что теперь по дороге из школы я должна была одна проходить мимо сумасшедшего, который стоял у нас на углу.

Он объявился там примерно в начале учебного года, когда мы с Сэлом еще ходили из школы вместе. Его обзывали шизанутым или футболистом, потому что он вдруг ни с того ни с сего принимался пинать воздух – как будто лягал машины, мчащиеся по Амстердам-авеню. Иногда он грозил небу кулаком и выкрикивал какой-то бред, вроде: «Пар горячий? Где купол?» – а потом дико хохотал, запрокидывая голову, так что во рту у него виднелись все пломбы, десятка три, не меньше. И он всегда торчал на нашем углу. Иногда он укладывался спать, сунув голову под почтовый ящик.

– Не называй его шизанутым! – сказала мама. – Это ужасное слово. Нельзя так о людях.

– Даже если у них не все дома?

– Неважно. Все равно это ужасно.

– А ты сама, ты-то как его называешь?

– Да никак, – сказала она, – но мысленно я зову его «человек, который смеется».

* * *

Когда мы ходили из школы вместе с Сэлом, мне было легче притворяться, будто я не боюсь человека, который смеется. Потому что Сэл тоже притворялся. Ему становилось сильно не по себе, когда человек, который смеется, тряс кулаком и лягал проезжающие машины. Как Сэл ни старался это скрыть, я точно знала, что он боится, потому что у него лицо становилось как каменное. Я знаю все его выражения лица.

Я привыкла считать, что мы с ним одно целое: Сэл и Миранда, Миранда и Сэл. Я понимала, что это не так, но я так чувствовала.

Раньше, до школы, мы с ним ходили в домашний детский сад к тетеньке из нашего района. Она раздобыла в магазине на Амстердам-авеню прямоугольные обрезки ковролина и на обратной стороне написала имена детей. После обеда она раздавала нам эти прямоугольнички, мы выбирали себе места на полу в гостиной и укладывались спать. Мы с Сэлом всегда клали наши коврики рядом, чтобы получился квадрат.

Однажды Сэл заболел, а Луиза не пошла на работу и осталась с ним дома. В тот день после обеда наша воспитательница выдала мне мой коврик, а потом и коврик Сэла.

– Я знаю, каково это, малыш, – сказала она.

И я лежала у нее на полу на этом квадрате из ковриков и никак не могла уснуть, потому что Сэл не прижимал свою пятку к моей.

Когда прошлой осенью человек, который смеется, впервые появился на нашем углу, он все время бубнил себе под нос: книга, пакет, карман, туфля, книга, пакет, карман, туфля. Бормотал, как считалку: «книга-пакет – карман-туфля» – и иногда при этом еще колотил себя кулаками по голове. Мы с Сэлом обычно по-честному старались по уши увлечься разговором и вести себя так, будто ничего не замечаем. Человек обалдеть как умеет не замечать то, чего не хочет замечать.

* * *

– Как ты думаешь, почему он так спит, головой под почтовый ящик? – спросила я как-то у Ричарда, когда человек, который смеется, только появился у нас на углу и я пыталась хоть что-то про него понять.

– Не знаю. – Ричард оторвал взгляд от газеты. – Может, чтобы никто не наступил ему на голову?

– Обхохочешься. Кстати, а что такое «карман-туфля»?

– Карман-туфля? – с серьезным видом сказал он. – Существительное, сложное, пишется через дефис. Означает запасную, карманную туфлю, который человек носит в кармане на случай, если кто-то украдет его основную туфлю, пока он спит, засунув голову под почтовый ящик.

– Ха-ха-ха, – сказала я.

– Ах, ваше совершенство, – сказала мама, – похоже, у вас не голова, а энциклопедический словарь. – В тот день она была в настроении.

Ричард постучал себя по правому колену и опять уставился в газету.

То, что запутывается

К счастью для мамы, некоторые старики в Луизином доме престарелых обожают смотреть за обедом «Пирамиду». Так что Луиза записывает все задания и после работы приносит нам. Работа у нее заканчивается в четыре, поэтому я успеваю до маминого возвращения выписать все слова на прихваченные каталожные

карточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sted_rebekka/kogda-my-vstretimsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить